
Одно меня спасает и хранит —
Реки течение между горных плит.
Катунь бежит, окатывая камни,
И, строгая, на берега ворчит.

Люблю бродить по спутанным корням
И видеть лес по узким островам,
Пещеры тёмные на известковых скалах,
Сурово благодарные векам.

Здесь часто льёт. И в сырости такой
Ступаю по тропинке моховой.
И запах солнца да сосновой хвои
Приводит в чувство неба над землёй.

От дел своих мне радостно бежать.
Забросить всё к чертям, простите слово.
Но только к одному я не готовый —
Не сделав дело, вновь не посещать
Все эти удивительные тайны,
Не слушать музыки пленительную речь,
Не проникать в устройство мысли дальней,
Не приближать, не прятать, не привлечь...

Мне всё равно, когда наступит осень,
Зима растратит новый урожай
И ложь ненастоящая не бросит
За фразу: возражай — не возражай.
И ветер посторонний, проходящий
На фоне ускользающих аллей,
Прибавит незаметно к правде вящей
Короткий день, и станет мир светлей.

Небо выдало мотив —
Бережёный, бережёный.
Давней нежности прилив
В сладости оживших клёнов.

Значит, зимних передряг
Размываются понтоны.
И на свой весенний стяг
Март вывешивает склоны.

Потому что рядом есть
Оберег живой и странный.
Марту надо вместе свесть
Альт и тенор филигранный.

Там, где нет времён,
Нет имён.
Там, где нет имён,
Нет измен.
Только до реки бурной склон,
Облаков закатных кармин.

Сладок вековечный мой плен —
Горные гряды возле лун.
Зябкий полотенечный лён —
Горизонт изломленных длин.

Теневая, пятнами, синь
На лесную сонную сень:
На лету прозрачная скань.
Безымянна воздуха стынь.

Снежная ночь. Сколько звёзд намело —
Не прекращается ветер,
С вечера в городе нашем светло —
Каждая светит.

Строгий порядок случается здесь,
И не мешает круженье.
В городе — снов завихряется смесь, —
Преображенье.

И прикасается чья-то рука
К белому свету.
Всё вопрошая ночные века:
Где ты?

При тебе стихает шум.
Я тебя давно не знаю —
Но среди остывших дум
Понемногу вспоминаю.

Растворённое окно...
Вечер входит, как бескрайний
Гость, внося своё кино
В зал, который полон тайны.

Опечатан день, и вот
Начинается страница —
За границу переход,
Где и спится, и не спится.

Шум шагает по пятам.
Обернёшься – выйдет в двери.
Я не там, и ты не там,
Верю.

Стихи — утверждение свыше
Всех будущих прочных основ.
Что думаешь ты и что слышишь,
Вплетается в поступь веков.
Что сказано, то обретает,
Как плод, свою сочную плоть.
И проникновенно внимает
Той музыке тихий Господь.

Ключарь — язык. И взаперти
Обычно вольное создание.
Но что ему прибавит знанья
По свету белому идти?

Где золотой счастливый ключ,
Ко всем дверям простое слово?
Поверх словесных тёмных туч
Яснеет образ дня святого.

Глубокое тело моё, не стыдись,
Невинное тело, смиренная брэнность.
Любви достигает безмолвная высь,
Стремление жить обретает мгновенность.
И корни пустив по неторной тиши
Спасительным древом, целительной тенью,
Ты знаки надёжною зернью пиши,
Миры причисляя к венцу-продолженью.

Я не знал, что смогу перебить малым шёпотом зной.
Тот удушливый пал —
 безнадёжный, сжигающий, злой.
Точно дланью, стирающий всё, он до неба достал.
На пустом полустанке, где рельсами выслан покой.

Поезда повезут в колыбельный дремотный наив.
И легко прогудят, на высоких кругах послужив.
Город звёздных далёких росин до утра приласкал,
Все горячие головы струями снов охладив.

Мне хотелось на твёрдом спокойно стоять.
Я основу испытывал эту.
Но никак с её шаткостью не совладать —
Кто-то мощно качает планету.
И теперь мне осталось нетвёрдой ногой
Тронуть лестницу — зыбкое чудо.
Где опоры и нет — никогда, никакой.
Но устойчив тогда только буду.

Я вечера не отдаю
Во власть чужого домостроя.
Переключаюсь на простое
У бесконечности в строю.

Меня поддержит Млечный хор,
Переплетённый с тишиною.
И возрождаются устои,
На коих зиждется простор.

Ночного воздуха в степи
Вдруг понимается движенье.
Вечернее непротивленьё:
«Не пропусти, не торопи».

Потом был чай. Один завитый лист:
Неведомая птица раскрывалась.
Плыла и пела. Был кристально чист
Случайный воздух. Горечь осыпалась:

Мы принимали музыку её.
И тот подарок — легкий и лучистый,
Творящий голос лета. И всего.
Всего один конвертик золотистый.

И золотой настой на тех словах —
Несказанных, не отнятых у песни —
Перетекал, искрился на губах,
И мир взаправду становился тесен.